

УДК 81'272

Телесная идентичность и способы ее презентации в поэтическом сборнике Анастасии Афанасьевой «Полый шар»¹

Минец Диана Владимировна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций,
Гуманитарный институт Череповецкого государственного университета,
162600, Российская Федерация, Череповец, просп. Луначарского, 5;
e-mail: dv.minets@gmail.com

Черба Анна Валерьевна

Студент,
Череповецкий медицинский колледж им. Н.М. Амосова,
162602, Российская Федерация, Череповец, ул. Данилова, 30;
e-mail: dv.minets@gmail.com

Аннотация

Категория телесности является одной из важнейших при анализе мира художественного произведения. В рамках настоящей статьи рассматривается функционал соматической лексики в современной сетевой поэзии (на материале сборника Анастасии Афанасьевой «Полый шар»). Соматическая лексика в поэзии Афанасьевой является активной лексической группой. В работе осуществлена тематическая классификация соматизмов: клеточный, организменный и органнй уровни. Далее в тексте статьи подробно анализируется поэтическая карта тела: сердечно-сосудистая система, органы чувств, дыхательные органы, опорно-двигательный аппарат, центральная нервная система, внутренние полости человека и пр. В большинстве случаев соматизмы (номинации частей тела) употребляются в первичном значении. Процентное соотношение соматизмов и иных лексических единиц в текстах А. Афанасьевой выглядит следующим образом: 85 употреблений, 34 наименования, 5 окказионализмов на 41 поэтический текст сборника.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых: МК-9349.2016.6 – «Языковые средства репрезентации идентичности в автодокументальных текстах: лингвокогнитивное моделирование».

Для цитирования в научных исследованиях

Минец Д.В., Черба А.В. Телесная идентичность и способы ее презентации в поэтическом сборнике Анастасии Афанасьевой «Полый шар» // Культура и цивилизация. 2016. № 4. С. 203-213.

Ключевые слова

Соматизм, телесная лексика, сетевая поэзия, языковая картина мира, научная картина мира.

Введение

Современная сетевая поэзия семантически и стилистически представляет собой крайне разнородное явление. Каждое слово здесь, согласно теории поэтического текста [Сырица, 2014, 128], есть простор для наполнения его разными смыслами. Лексеммы получают приращенное комбинаторное значение благодаря окружению слов: «Способность слова обрастать различными нюансами смысла, благодаря тому, что оно опрокинуто в тему и идею художественного замысла и определяет специфическое свойство поэтического слова...» [Винокур, 1967, 12].

Анастасию Афанасьеву считают одним из самых ярких поэтов русскоязычного поэтического интернет-пространства. Она автор стихотворных и прозаических сборников «Бедные белые люди» (2005), «Голоса говорят» (2007), «Белые стены» (2010), «Солдат белый, солдат черный» (2010), «Полый шар» (2012), а также множества поэтических и прозаических публикаций в печатных и электронных российских журналах («Вавилон», «Воздух», «Новый мир», «Урал», «Новое литературное обозрение», «Союз писателей», «ШО», «РЕЦ», «TextOnly», «В моей жизни»); шорт-листер премии «Дебют» (2003), «Содружество дебютов» (2008); лауреат премии журнала «РЕЦ» (2005), «Русской премии» (2006), премии «ЛитератураРентген» (2007); ее стихи переведены на английский, итальянский, украинский и белорусский языки. Анастасия Афанасьева живет на Украине, в Харькове, работает судебно-психиатрическим экспертом в одной из харьковских психиатрических больниц.

В рамках настоящей работы анализируется поэтический сборник Анастасии Афанасьевой «Полый шар» (2012).

Соматизмы в поэзии: место в художественной структуре

Единицы лексико-семантической группы «Части тела» занимают доминирующее положение в поэтическом пространстве сборника «Полый шар». В большинстве случаев соматизмы (номинации частей тела) употребляются в основном номинативном, первичном значении, они называют части тела героев, подчеркиваемые автором с какой-либо целью. Поэт редуцирует художественный масштаб посредством соматической лексики, используемой в

производном значении в составе какого-либо тропа. Специальная медицинская терминология и соматизмы резко выделяются среди других поэтических элементов, так как, согласно поэтической традиции, не входят в систему классического художественного текста, характеризующегося образностью и выразительностью. Процентное соотношение соматизмов и иных лексических единиц в текстах А. Афанасьевой внушительно: 85 употреблений, 34 наименования, 5 окказионализмов на 41 поэтический текст сборника. Соматизмы выполняют различные функции в поэтическом тексте. Названия 4 стихотворений из данного сборника включают соматизмы: «Я трогаю кожу мира», «Рука», «Осиротелое темя, глухой затылок, лицо штриховатое...», «Я руки расставил и вдруг полетел...».

Полный перечень соматизмов выглядит следующим образом: *голова, рука, нога, кожа, губа, сердце, гортань, легкие, рот, уши, сосуд, темя, ядро, пятка, затылок, лицо, глаз, тело, зрачок, радужка, пальцы, впадинка, макушка, морщины, позвоночник, кровь, кулак, живот, воспринимающая пленка, аорта, горло, организм, ладони*. Общее количество: 85 употреблений на поэтический сборник. Среди этого перечня можно выделить специальную лексику (*гортань, сосуд, темя, зрачок, радужки, позвоночник, аорта*), остальные единицы входят в оба класса лексики – общеупотребительной и специальной.

К сердечно-сосудистой системе организма относятся лексемы «сердце», «сосуд», «аорта». К анализаторам, или органам чувств, – лексемы «зрачок», «радужки» (глазные), «кожа», «уши». Дыхательная система представлена «гортанью», «легкими», «грудью», «воспринимающей пленкой». Опорно-двигательный аппарат – лексемой «позвоночник». Центральная нервная система – лексемами «темя», «лоб», «голова», «затылок», «лицо» (отдел центральной нервной системы – «головной мозг»). К клеточному уровню организации живого относится лексема «ядро», к организменному уровню – «организм» и «человек», остальные – к органному уровню организации живого. Пищеварительная система образована лексемами «рот», «горло», «губа». Лексема «живот» относится к семантической группе «Внутренние полости человека», органы, расположенные внутри человека, в абсолютном большинстве случаев автором не называются.

Соматическая лексика в текстах А. Афанасьевой предполагает и гиперо-гипонимическую типологию. К гиперонимам относятся лексемы «тело» (количество употреблений – 3), «организм» (1), «человек» (21), к гипонимам относятся все остальные. В ряду лексем центральной нервной системы функцию гиперонима выполняет лексема «голова», гипонимов – «лоб», «темя». Лексемы, характеризующие поверхность тела, – «впадинка», «морщины». В тексте встречаются лексемы, называющие свободные конечности и их части. К тематическому классу «Верхняя конечность» относятся лексемы «рука», «ладонь», «кулак», «пальцы», к классу «Нижняя конечность» – лексемы «нога», «пятки». К тематической группе «Внутренняя среда организма» принадлежит лексема «кровь».

По определению М.Л. Гаспарова, стих, отличающийся от прозы только заданной расчлененностью и свободный от правильного ритма и рифмы, называется свободным стихом

[Гаспаров, 2004, 24]. В сборнике «Полый шар» все представленные стихи свободные. Рифма в них не прослеживается, также как и неточное фонетическое созвучие. Однако при отсутствии рифмы, в стихотворениях соблюдается ритмика, ритм выдерживается на протяжении всего стихотворения. В одночастных стихотворениях есть членение по строфам, в двух-, трехчастных стихотворениях используется такой способ структурирования, как нумерация.

В текстах есть авторские окказионализмы, которые содержат соматические семы: ср.: «головоногий» («Он проходит по ней головоногий, вельветовый, строгий...»), текст «Дорога терракотовой пластины»), «ущербность пятипалая» («Рука»), «внутригрудным цветком» («Молчание», ч. 5). Этот пласт лексики составляет небольшой процент от всей соматической лексики, представленной в сборнике. Общеупотребительные единицы, которые понятны любому носителю языка, составляют большую часть лексического пласта стихотворений. Окказионализмы приносят оттенок новизны, компенсируя отсутствие рифмы, размера, смысловую туманность в отдельных стихотворениях, нацеленных на передачу эмоционального состояния и внутренних переживаний.

Функционал соматизмов также разнообразен. Остановимся на этом подробнее.

Лексема «голова» в значении «верхняя часть тела человека, верхняя или передняя часть тела животного, содержащая мозг» [Словарь русского языка, 1985, т. 1, 325]. Количество употреблений – 2. В стихотворении «Молчание»² (ч. 7) лексема «голова» употребляется в прямом значении: обозначение лицевого и мозгового отделов головного мозга. Данная лексическая единица обозначает и часть тела, и сознание: *«Ящерка, солнышко, / Я – не такой, / Но все же – такой. / Жаркое, желтое, / Упади в мою голову, / Ибо я – твой»*. В стихотворении «Полдень» та же единица используется в переносном значении (метафорический перенос по принципу сходства кроны дерева и головы человека): *«Я открываю окно и самое красное дерево / Кивает мне головой и дует в лицо мне»*.

Лексема «губа» в значении «одна из двух кожно-мышечных подвижных складок, образующих края рта» [Словарь русского языка, 1985, т. 1, 354] в сборнике употребляется дважды, причем в основном значении анатомической части тела: *«В осеннюю траву. Рот мой землей набит, / Разбита губа»* («Молчание», ч. 6); *«Я открываю окно и самое красное дерево / Кивает мне головой и дует в лицо мне / Губы в ответ дуновению раскрываются / Кто называет / Просто каштаном его?»* («Полдень»).

Лексема «сердце» (1 ед.) в стихотворении «Комедия луча» также используется в основном номинативном значении. Сердечный импульс передан посредством технической метафоры: *«Слушай квартирному паучку / Скребущую кошку / Свистящее время / До тех пор пока не сработает пружина / Скрытая под сердцем / И не вытолкнет тебя вверх / К самому солнцу / В огонь»*. Сердце интерпретируется автором как автоматизированная деталь механизма, коим является организм человека.

2 Здесь и далее тексты цитируются по сборнику: Афанасьева А. Полый шар. М.: Русский Гулливер, 2012. 148 с. (далее – с указанием только названия стихотворения).

Гортань как верхняя часть дыхательного пути [там же, 336] становится текстообразующим образом стихотворения «Простые вещи» (1 ед.): процесс зарождения голоса описывается в узкоспециальном ключе: *«Так февраль укрывает белой неизбежностью, / так говорит время: дудит в неведомую трубочку, / будто детство в стакан с газировкой. / Гортань для звука едва разомкнув, / замереть перед выходом голоса. / Внутренне в «о» превратившись, / молчать его – с любовью, широко и смиренно».*

Лексема «легкие» именуется орган грудной клетки человека (2 ед.). Процесс наполнения легких воздухом автор осмысливает метафорически посредством образа воздушного шарика: *«Как воздух сладок / Как он полон / Невидимым / Как это невидимое / Проникает в легкие / Как легкие / Становятся громадными шарами / Как человек отрывается от земли / И взлетает как шар воздушный»* («Дорога терракотовой пластины»).

Использование лексемы «сосуд» (1 ед.) в специальном, анатомическом значении «трубчатый эластичный орган в теле человека и животных, по которому движется кровь или лимфа» [Словарь русского языка, 1988, т. 4, 210] в стихотворении «Комедия луча» коррелирует с внутренним состоянием человека: густая кровь как признак болезненности или печали. Кроме того, известно, что кровь густеет при повышенном количестве эритроцитов, гемоглобина в крови, повышении гематокрита, то есть при соотношении между плазмой и красными кровяными тельцами, при этом затрудняется кровоток в сосудах человека: *«Разлита вода, / Разлита земля, / Протянут воздух / Цепью стоят повсюду связанные / Причины / Причина Матильда, / Причина клевер, / Подорожник причина, / Каштан, воробей, прохожий, машина, окно / Там, наверху, человек скован печалью / Густое в сосудах его»* («Комедия луча», ч. 2).

В некоторых текстах поэт медицински точно воспроизводит содержимое органов человека (ср.: органы слуха – 1 ед.): *«А в уши встроены пленочки слуха?»* («Молчание», ч. 6), а в ряде случаев телесные маркеры («пятки» (1 ед.) – «темя» (5 ед.)) становятся границами художественного образа человека: *«Куда ни помотришь – видишь огромные стены шара, / Натянутые от травы до неба, / От пола до потолка, / От пяток до темени»* («Дорога терракотовой пластины»). Текст актуализирует заявленную ранее в сборнике параллель «человек – здание» с маркерами «пол» – «потолок». Человек в текстах А. Афанасьевой существует лишь в пределах своего тела (дает о себе знать медицинский взгляд автора), в силу чего сама телесная субстанция становится важной составляющей человеческого облика (3 ед.). Телесные повреждения квалифицируются как щели, деформирующие его каркас (очередной акцент на метафоре «человек – здание»): *«Время бывает / Цельность теряет / Трещит / Появляются / Щели / Внутри их – те, / Кто тишайше стремится к цели. / Туда, где время сплошное – / А тело в силе, / Где не только в теченьи дело, / Но также в воле. / Молчи, / Молчи / В щели находясь, / В затишьи, / Свернись, как пергамент...»* («Щель»). Более того, характерная концептуальная черта идиостиля А. Афанасьевой – нивелирование оппозиции «тело – душа», столь характерной для христианства, поэтому телесное в ряде

случаев оказывается доминирующим (тело не подчиняется человеку) [Фарино, 2004, 202]: *«Поле, поле! Большое, сколько ни идешь – / всегда оказываешься в его начале, / ибо его начало там, где ты. / Где ты его исчисляешь собой, / странным телом своим непослушным, / что называет стороны света / поля и само себя»* («Оказалось страшно»).

Зрительное восприятие становится доминирующим способом освоения окружающего мира (репрезентирующая его лексема органа зрения («глаз» и производные от него лексемы) по частоте употребления превышает все остальные слова, номинирующие органы и части тела человека (9 ед.): *«Я ловлю ртом порхающие искорки, / Весь день своим существом обняв? / Отчего у меня из глаз вылетают ракеты зрения, / А в уши встроены пленочки слуха?»* («Молчание»); *«Включила симфонию Брамса. / Общий голос рос, потом обрывался. / Один, как гобой, человек в тишине. / Пел: да, это о том. / Я в глаза человеку смотрела, и трогала кожу...»* («Прилетел жук, крылья сложил, и показал: вот»); *«Зрение неотменимо целым становится. / Так она всеми глазами своими / Сверху на меня обрушивается...»* («Стрекоза»). Лексико-семантическое поле «Глаз» сегментируется в текстах до «зрачка» (1 ед.) и «радужки» (1 ед.), дополняющих основное значение генерализующей лексемы: *«Зрачки отражают вращение голубое. / Значит, течение прочно, / Как десять пальцев двурукого, / Зрачковые отражения, / Цветение голубое»* («Рука»); *«Белые лотосов / Озер прозрачные радужки»* («Рука»).

В отдельных случаях А. Афанасьева запечатлевает процессуальный характер физиологического (морщины как признак старения) либо психологического состояния (ср.: идиому «лбом об стенку») телесного субъекта: *«Как искать несуществующее окно, / лбом прислоняться к стене, / углублять морщины – / знаем мы»; «Лбом прислонившись к мягко-живой стене, раскрывать им навстречу каждую впадинку тела...»* («Комната»); *«И я сжимал в кулаке его лямку до белых пальцев, / я повторял: / urbi, orbi, / urbi et orbi, / к городу и к миру / я иду, / ничего не боясь, / ничего не провозглашая»* («Рюкзак»). Атрибутивное сочетание «до белых пальцев» в последнем случае передает степень физического напряжения: ткань сдавливает сосуды, и происходит временный отток крови из кончиков пальцев. Сам дыхательный процесс у поэта получает сугубо профессиональное описание: *«В живот и грудь, и там дрожит / Воспринимающая пленка»* («Слух»). Среди органов системы дыхания Афанасьева перифразирует диафрагму, грудобрюшную преграду, сухожильно-мышечную перегородку, отделяющую грудную полость от брюшной [Словарь русского языка, 1985, т. 1, 397]. Диафрагма опускается при вдохе и поднимается при выдохе. К органам чувств диафрагма не относится, но в стихотворении А. Афанасьевой она представлена в какой-то степени именно как анализатор, реагирующий на воздух, его траекторию движения. Объектом поэтического переосмысления А. Афанасьевой становится и регенерация, то есть восстановление структуры поврежденных клеток: *«Кожа затягивается твоя, / ибо наш организм таков»* («Еж»).

Нередко соматизмы образуют фигуры (тропы) выразительной речи: *«Не называя его, / обращаюсь: / стой прямо, как позвоночник, / укрепи затылок мой»* («Комната»). Основ-

ное номинативное значение лексемы «позвоночник» (1 ед.) приобретает дополнительные, игровые коннотации: прямой позвоночник (нормативный признак костного образования) = символ стойкости, воли.

Лексема «аорта» участвует в образовании компаративной фигуры выразительности речи: *«Я, будто трос, аорту словом протяну / О, чудо, так возможное сегодня»* (как аорта, будучи наиболее крупным и главным сосудом в кровеносной системе, выполняет функцию транспортировки крови к сердцу, так и герой текста вербализует самое ценное, что есть внутри него, адресату).

В тексте «Полый шар» соматизм «пальцы» вступает в специфическую сочетаемость с субстантивом «Рихтер», являющимся несогласованным определением по отношению к стержневому слову словосочетания: *«Дотянись до меня пальцами Рихтера...»*. Экстралингвистическая справка устраняет культурные лакуны в восприятии адресата. Святослав Рихтер – один из крупнейших музыкантов XX века, пианист-виртуоз с великолепными нервно-психическими и физическими данными: *«Плечи их острые / пальцы указки стальные/ Острые плечи пальцы / Указки стальные»* («Плод»). В тексте «Рука» А. Афанасьева даже гиперболизирует тактильные ощущения: сложное словосочетание «десять пальцев двурукого» при общей усложненной в смысловом отношении поэтической конструкции репрезентирует в сущности обычное состояние здорового человека: *«Как десять пальцев двурукого, / Я трогаю кожу мира»*. Шар, материальный объект, воспринимается человеком как модель мира, а сам мир при этом уподобляется каждому отдельному человеку. Лексема «кожа» (11 ед.) в ряде случаев употребляется и в фразеологически связанном значении: *«Ты – тоска по той пустоте, / Ты у нее под кожей»*. Аналогичная ситуация – с лексемой «горло» (1 ед., ср.: идиома «по самое горло»): *«Мы тоже росли / в этот провал / всеми корнями / по самое горло»* («Провал»).

Наибольшая острота тактильной чувствительности характерна для частей тела, активно осуществляющих двигательные функции (руки, ноги, ладони, пальцы и пр.): *«Что просят люди на дороге, / чего хотят они в дороге /– куда, куда они идут, /и что несут, /зачем несут/ – как воздух странно полосат, /горит как кожа на ладонях»* («Прощение крота», ч. 3); *«Не задавая лишних вопросов, /Ладони раскрыв, будто лотосы...»* («Дорога терракотовой пластины»). Лексема «ладонь» ассоциируется с открытостью тому внешнему источнику добра и света, приближение которого ощущает герой: *«Ладони раскрытые лотосы / Ладони озера бездонные»* («Дорога терракотовой пластины»). Количество употреблений лексической единицы «рука» в поэтическом сборнике «Полый шар» – 16. В инициальном стихотворении сборника «Молчание» данная единица используется также в прямом значении: *«Глубоко сердечные / Нежные / И куда так указывает его рука, / На что так указывает его рука, / Если впереди – ничего, кроме песка / И непреодолимая река?»* («Молчание», часть 3). Телесность в текстах Афанасьевой часто становится объектом игровых авторских интенций [Минец, 2014, 94]: в стихотворении «Рука» одноименная часть тела становится предметом пропажи, мнимое отсутствие руки коррелирует с душевным состоянием героя. Когда герой опускает руку в цветущее поле, она уходит из об-

ласти его зрения. Создается иллюзия пропажи («ущербность пятипалая»), а затем обнаружения важного для каждого человека органа. Потеряв руку, герой утрачивает часть души, найдя же ее, он ощущает восполнение важного фрагмента в своем сознании: *«В голубом цветении руку свою нахожу. / Такой пропажей была! / Безрукий ходил и смущенный отсутствием я / Ущербностью пятипалой / Одетый как влажным стыдом / Таким вот я был, и таким больше быть не хочу. / В цветении голубом обнаружил он руку свою. / Такой был недостающий!»*.

По аналогичной модели происходит художественное освоение лексической единицы, номинирующей нижние конечности. В стихотворении «Молчание» лексема «нога» употребляется в прямом значении (единичное использование): с ее помощью в сочетании с лексемой «голова» перифрастически именуется люди: *«Какие странные проходят существа мимо! / С круглыми головами, на двух ногах»*.

В поэтическом сборнике имеет место обращение и к клеточному уровню организации живого: *«Ибо в самом твоём ядре / Живёт всякая точка, пляшущая в костре. / Ибо — я угол и конус, / Ибо я — голос, / Ибо все разворачивается из себя / И возвращается в себя»* («Комедия луча»). Молекулярные подробности строения органа необходимы для образного описания биологического процесса смерти.

Заключение

Соматизмы как антропологические термины, образующие семантическое поле «тело человека», употребляется в абсолютном большинстве случаев в основном номинативном значении (они именуют наружные части тела либо внутреннее строение организма человека). В сборнике немало примеров образования фигур выразительности речи (тропов) со структурным компонентом-соматизмом. Данный тип лексики в поэзии Афанасьевой активен. Стилистическая и семантическая дифференциация соматической лексики продиктована поэтическими задачами автора. Богатый семантический и словообразовательный потенциал, выразительная внутренняя форма и стилистическое разнообразие позволяют соматизмам активно взаимодействовать с другими словами в контексте на лексическом и грамматическом уровнях поэтического языка. Оригинальность авторской обработки [Горбунова, 2012, 9] соматических образов заключается в включении их в новые по тематике контексты.

Библиография

1. Анастасия Афанасьева на сайте сообщества «Полутона». URL: <http://polutona.ru/?show=verdana>
2. Афанасьева А. Полный шар. М.: Русский Гулливер, 2012. 148 с.
3. Балла О. Анастасия Афанасьева: «Литература сродни воздуху» (интервью) // Дружба народов. 2009. № 12. С. 181.

4. Винокур О.Г. Из бесед о культуре речи // Русская речь. 1967. № 3. С. 10-14.
5. Гаспаров М.Л. Русские стихи 1890-х-1925-го годов в комментариях. М.: Университет, 2004. 272 с.
6. Горбунова А. Молчать, петь, летать // Афанасьева А. Полный шар. М.: Русский Гулливер, 2012. С. 7-10.
7. Евгеньева А.П. (ред.) Словарь русского языка: В 4-х т. М.: Русский язык, 1985-1988. Т. 1, 4.
8. Клопотова Е.А. Соматическая лексика енисейских языков в синхронии и диахронии: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Томск: ТГПИ, 2002. 22 с.
9. Козырев И.С. К истории формирования словарных составов русского и белорусского языков // Ученые записки Курского государственного педагогического университета. 1966. Т. 25. Вып. 2. С. 212-217.
10. Масалева Н.В. Соматизмы в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. Иваново: ИГУ, 2010. 216 с.
11. Минец Д.В. Метаморфозы телесности в поэзии Анастасии Афанасьевой: языковая и научная картины мира // Павлова Н.П. (ред.) Череповецкие научные чтения – 2013: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (6-7 ноября 2013 г.): Часть 1: Литературоведение, лингвистика, СМИ, история, философия, социология, политология. Череповец: ЧГУ, 2014. С. 93-96.
12. Петровский Б.В. (ред.) Большая медицинская энциклопедия: В 30 тт. М.: Советская энциклопедия, 1975-1986.
13. Ракин А.П. Антропотоминимическая лексика в пермских языках. Сыктывкар: Коми, 1996. 320 с.
14. Сырица Г.С. Филологический анализ художественного текста. М.: Флинта; Наука, 2014. 344 с.
15. Фарино Е. Введение в литературоведение. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. 639 с.

Corporal identity and ways of its representation in poetic collection by Anastasya Afanas'eva *Polyiy shar* / *Empty sphere*

Diana V. Minets

PhD in Philology,

Associate Professor at the Department of Russian philology and applied communication,

Humane Institute of Cherepovets State University,

162600, 5 Lunacharskogo ave., Cherepovets, Russian Federation;

e-mail: dv.minets@gmail.com

Anna V. Cherba

Student,

Cherepovets medical college named after N.M. Amosov,
162602, 30 Danilova st., Cherepovets, Russian Federation;
e-mail: dv.minets@gmail.com

Abstract

Physicality category is one of the most important in the world of art analysis. The article examines the functional somatic vocabulary in modern network poetry (based on the poetic collection by Anastasya Afanas'eva *Polyiy shar / Empty sphere*). Somatic lexicon is the active lexical group in Afanas'eva's poetry. Somatisms as the anthropological terms, forming the semantic field of "human body", are used mainly in the nominative meaning (they refer to the external parts of the body or the internal structure of the human body). There are many examples of expressive figures of speech (tropes) with a somatism as a structural component. The authors offer the thematic classification of somatisms by levels: the cellular, the organismal and the organ levels. A poetic map of the body is analyzed in detail: the cardiovascular system, the sense organs, the respiratory system, the musculoskeletal system, the central nervous system, and the internal cavity of a human etc. In most cases, the nomination of the body parts are used in the primary sense. Percentage of somatism and other lexical items in the text by Anastasya Afanas'eva is as follows: 85 uses, 34 names, 5 occasional words in 41 poetic texts. The stylistic and semantic differentiation of somatic vocabulary is dictated by the tasks of the poet. The rich semantic and word-formation potential, the expressive inner form and stylistic diversity allow somatisms to interact actively with other words in the different lexical and grammatical levels of poetic language.

For citation

Minets D.V., Cherba A.V. (2016) Telesnaya identichnost' i sposoby ee prezentatsii v poeticheskom sbornike Anastasii Afanas'evoi "Polyi shar" [Corporal identity and ways of its representation in poetic collection by Anastasya Afanaseva *Polyiy shar / Empty sphere*]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 4, pp. 203-213.

Keywords

Somatism, corporeal vocabulary, network poetry, language picture of the world, scientific picture of the world.

References

1. Afanas'eva A. (2012) *Polyi shar* [Hollow sphere]. Moscow: Russkii Gulliver Publ.

2. Anastasiya Afanas'eva na saite soobshchestva "Polutona" [Anastasiya Afanas'eva on a site of community "Polutona"]. Available at: <http://polutona.ru/?show=verdana> [Accessed 23/12/2015].
3. Balla O. (2009) Anastasiya Afanas'eva: "Literatura srodni vozdukh" (interv'y) [Anastasya Afanas'eva: "The literature is similar to air" (interview)]. *Druzhba narodov* [Peoples' friendship], 12, pp. 181.
4. Evgen'eva A.P. (ed.) (1985-1988) *Slovar russkogo yazyka: v 4-h t.* [Dictionary of Russian language: in 4 vols]. Moscow: Russkii yazyk Publ.
5. Faryno J. (1972) *Wstęp do literaturoznawstwa*. Warszawa (Russ. ed.: Farino E. (2004) *Vvedenie v literaturovedenie*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University).
6. Gasparov M.L. (2004) *Russkie stihy 1890-h-1925-go godov v kommentariyah* [Russian poetry 1890-1925 in the comments]. Moscow: Universitet Publ.
7. Gorbunova A. (2012) Molchat, pet, letat [To be silent, to sing, to fly]. In: Afanas'eva A. *Polyi shar* [Hollow sphere]. Moscow: Russkii Gulliver Publ., pp. 7-10.
8. Klopotova E.A. (2002) *Somaticheskaya leksika eniseiskikh yazykov v sinkhronii i diakhronii. Doct. Diss. Abstract* [Somatic lexicon of the Yenisei languages in synchronism and diachronism. Doct. Diss. Abstract]. Tomsk.
9. Kozyrev I.S. (1966) K istorii formirovaniya slovarnykh sostavov russkogo i belorusskogo yazykov [To history of formation of dictionary structures of Russian and Belarus languages]. *Uchenye zapiski Kurskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Scientific notes of Kursk State Pedagogical University], 25 (2), pp. 212-217.
10. Masaleva N.V. (2010) *Somatizmy v russkoi yazykovo kartine mira. Doct. Diss.* [Somatisms in Russian language picture of the world. Doct. Diss.]. Ivanovo.
11. Minets D.V. *Metamorfozy telesnosti v poezii Anastasii Afanas'evoi: yazykovaya i nauchnaya kartiny mira* [Metamorphosis physicality in poetry by Anastasia Afanas'eva: linguistic and scientific picture of the world]. In: Pavlova N.P. (ed.) *Cherepovetskie nauchnye chteniya – 2013: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (6-7 noyabrya 2013 g.): Chast' I: Literaturovedenie, lingvistika, SMI, istoriya, filosofiya, sotsiologiya, politologiya* [Cherepovets Scientific Readings – 2013: Proceedings of the All-Russian scientific-practical conference (November 6-7, 2013): Part 1: Literature, linguistics, media, history, philosophy, sociology, political science]. Cherepovets, pp. 93-96.
12. Petrovskii B.V. (ed.) (1975-1986) *Bolshaya meditsinskaya entsiklopediya: V 30-ti t.* [Great medical encyclopedia: in 30 vols]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ.
13. Rakin A.P. (1996) *Antropotominimicheskaya leksika v permskikh yazykakh* [Antropotonimy lexicon in the Perm languages.]. Syktyvkar: Komi Publ.
14. Syritsa G.S. (2014) *Filologicheskii analiz khudozhestvennogo teksta* [Philological analysis of literary text]. Moscow: Flinta Publ.; Nauka Publ.
15. Vinokur O.G. (1967) Iz besed o kulture rechi [From talking about the culture of speech]. *Russkaya rech'* [Russian speech], 3, pp.10-14.